

Рампа и жизнь

Неделя культуры 24-30 июля 1993 - с. 7.

Один из последних в этом сезоне вечеров в Доме актера был посвящен памяти неожиданной и безвременной ушедшей из жизни талантливой актрисы Наталии Вилькиной.

Мы печатаем короткое эссе Б. Львова-Анохина, которое было прочитано на этом вечере.

О Наталии Вилькиной

ВПЕРВЫЕ я увидел Наташу Вилькину в спектакле ЦТСА «Два товарища», который, кажется, вскоре был запрещен и снят с репертуара. Она играла отчаянную современную девушку с такой дерзкой остротой и с таким внутренним драматизмом, что заставила вспомнить о незабвенной характерно-трагической актрисе Людмиле Фетисовой.

Потом была совсем не кроткая, а резко гневная, непримиримая Соня в «Дяде Ване».

В Театре им. Маяковского она играла красавицу Зинаиду в «Дядюшкином сне». Наташа не была красивой, у нее было асимметричное, резкое лицо, но в этой роли она казалась прекрасной — красивые открытые «мраморные» плечи, узкие кисти рук с длинными пальцами, гордо посаженная голова — все это создавало пленительный и опять-таки гневно-тревожный образ. Ее партнершей была великая М. И. Бабанова, и я знаю, с каким уважением относилась весьма требовательная Мария Ивановна к таланту Вилькиной, как дорожила ее участием в этом спектакле. Когда Наташа ушла из Театра им. Маяковского, хотели ввести на роль Зинаиды другую актрису, но Бабанова решительно воспротивилась и заявила, что будет играть только с Вилькиной.

Интересно, что придя в Малый театр, Наташа встретила такое же уважительное и нежное отношение со стороны старейшей актрисы театра Елены Николаевны Гоголевой. Они играли вместе в спектакле «Перед заходом солнца», Наташа снова была «дочерью» маститой актрисы. Я видел, как Е. Н. Гоголева внимательно прислушивалась к советам Наташи, высоко ценя ее ум и вкус.

У Вилькиной, несмотря на молодость, была мудрость, ко многому в жизни она умела отнестись философски, а ее суждения в области театра отличались почти безошибочной меткостью. Понятно, почему таким личностям, как Бабанова и Гоголева, было с Наташей интересно и играть, и репетировать, и беседовать. Вилькина принесла в Малый театр остро интеллектуальную ноту, невольно противопоставив ее чисто эмоциональной и бытовой манере многих других

актрис. Не все ее признавали, не все любили, она пребывала в некоей художественной оппозиции, но наиболее умные актеры, как, например, М. И. Царев, ценили ее и признавали за ней право на творческую самостоятельность.

Она играла в моем спектакле «Фома Гордеев» роль Любы Маякиной, по-моему, весьма интересно, находя в этой купеческой дочке внутреннее смятение, боль попорченного человеческого достоинства и даже некоторую декадентскую надломленность, свойственную людям того времени. Эту роль всегда играли в чисто бытовой манере, а Вилькина обнажила и заострила в ней нерв и мысль.

По-своему сыграла она и труднейшую роль Странницы в «Утренней фее» Касоны. И в ней она создавала особую интеллектуальную атмосферу, соединяя усталое равнодушие, скорбное безучастие с остротой мысли, порой приобретающей оттенок иронической, даже скептической мудрости. И здесь я помню ее прекрасные, узкие кисти рук, я часто просил ее — «положи руку на столб, на перила, на косяк двери». Эти аристократические руки передавали особую утонченность образа.

С ней было интересно репетировать, разговаривать, спорить. Она была умница. Она говорила часто: «Люди забывают о том, что умрут. От этого и делают так много ненужного, злого, глупого. Надо всегда помнить, что умрешь, тогда будешь достойнее, умнее жить».

Она помнила. Но умерла рано. Слишком рано. До боли рано. Мне кажется, что в роли, которую она сыграла в пьесе О'Нила, было странное предчувствие ухода — в ней была взметнувшаяся боль одинокой души, и лихорадочная гордыня раненого самолюбия, и скорбная пронзительность незаурядного женского ума.

Рампа и жизнь